

МЕТАФИЗИКА И РЕАЛИЗМ: КОНТЕКСТЫ ВОЗВРАЩЕНИЯ

Косыхин Виталий Георгиевич – доктор философских наук. Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского. Российская Федерация, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83; e-mail: kosyhinv@gmail.com

Малкина Светлана Михайловна – доктор философских наук, профессор. Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского. Российская Федерация, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83; e-mail: malkinasm@gmail.com

В статье рассматривается проблема возвращения метафизики в рамках онтологического поворота философии и ситуации постметафизического мышления. Выявляются условия возможности современного метафизического дискурса в проектах эмпирической метафизики и исторической онтологии. Историческая онтология как метарефлексия философии над собственными историческими основаниями в состоянии преодолеть разрыв между эпистемологической статичностью трансцендентальной субъективности и онтологической динамичностью роста научного знания о реальности, осмыслив условия взаимодействия науки и метафизики в условиях постметафизического мышления и реалистического разворота онтологии.

Философское познание в контексте онтологического поворота и связанного с ним возвращения метафизики становится ориентированным не столько на резкое размежевание науки и метафизики и постулирование несоизмеримости их онтологий, сколько на выявление взаимообогащающих областей исследования, которые могли бы придать новый импульс их развитию.

Ключевые слова: метафизика, реализм, постметафизическое мышление, история науки, историческая онтология

METAPHYSICS AND REALISM: CONTEXTS OF RETURN

Vitaliy G. Kosykhin – DSc in Philosophy. Saratov State University. 83 Astrakhanskaya St. Saratov 410012, Russian Federation; e-mail: kosyhinv@gmail.com

Svetlana M. Malkina – DSc in Philosophy, Professor.

The article deals with the problem of the return of metaphysics within the framework of the ontological turn of philosophy and the situation of post-metaphysical thinking. The conditions for the possibility of modern metaphysical discourse in the projects of empirical metaphysics and historical ontology are revealed. Historical ontology as a meta-reflexion of philosophy over its own historical foundations is able to bridge the gap between the epistemological static nature of transcendental subjectivity and the ontological dynamism of the growth of scientific knowledge

Saratov State University.
83 Astrakhanskaya St. Saratov
410012, Russian Federation;
e-mail: malkinasm@gmail.com

about reality by comprehending the conditions of interaction between science and metaphysics in conditions of post-metaphysical thinking and realistic reversal of ontology.

Philosophical knowledge in the context of the ontological turn and the associated return of metaphysics becomes focused not so much on the sharp demarcation of science and metaphysics and postulating the incommensurability of their ontologies, but on identifying mutually enriching areas of research that could give a new impetus to their development.

Keywords: metaphysics, realism, post-metaphysical thinking, history of science, historical ontology

Можно ли говорить сегодня о возвращении метафизики, и если да, то какой метафизики и в каких контекстах? Например, в контексте онтологического, или, говоря словами В.А. Лекторского, реалистического поворота философии [Лекторский, 2017; Лекторский, 2018], в котором столкновение реализма и конструктивизма в эпистемологии парадоксально сопровождается их конвергенцией в онтологически ориентированных проектах новой «эмпирической» или «экспериментальной» метафизики, спекулятивного и трансцендентального реализма. В своей недавно вышедшей в издательстве Русского общества истории и философии науки монографии «Возвращение метафизики как факт» О.Е. Столярова ставит вопрос о выявлении условий возможности современного метафизического дискурса в свете новых исследовательских перспектив, в частности возвращения историзма в лице исторической эпистемологии, акцентирующей изменчивость условий возможности познания, и исторической онтологии, где трансцендентальная субъективность содержательно трактует предпосылки познания реальности.

Контексты возвращения метафизики порождаются точками напряжения вопроса, обозначим как первую ситуацию постметафизического мышления, как вторую – отношение к историчности, как третью – границы понимания реализма.

Постметафизическое возвращение метафизики подразумевает, что метафизика возвращается уже не в чистом виде ретроспективного обращения к своим докантовским формам, но инкорпорируя в себя долгий период критики, осуждения, игнорирования и преодоления. В этом плане новое возвращение метафизики сопряжено с историей, вернее с вопросом об историзме, который для классической метафизики был достаточно чужд. Эта ситуация возвращения метафизики может быть обозначена как постметафизическое мышление, поскольку отказывается как от критики метафизики (которая оборачивается отрицательной метафизикой), так и от классической метафизики, не обращающей внимание ни на свою историчность, ни на свои условия возможности. Ю. Хабермас говорит о свойственном постметафизическому мышлению ситуировании разума (*situierten Vernunft*),

разум из *topos uranius* ввергается в зону человеческого бытия [Habermas, 1992, p. 40], а значит, так или иначе, в историю. Возвращение метафизики постметафизично еще и в том смысле, что уже более не претендует на всеохватность и окончательность, открывая путь к экспериментальным метафизикам, достаточно открытым к эмпирическому и историческому опыту научного познания.

«Новая метафизика» стремится придать современной философии реалистический импульс и в этом смысле она, по выражению Д.Р. Гриффина, является конструктивным постмодернизмом [Griffin, 2002], преодолевающим барьеры между континентальной и аналитической философией и дающим положительный ответ на вопрос, стоит ли в наши дни заниматься метафизическими исследованиями. Можно спорить о том, является ли поворот к конструктивному реализму внутренней реакцией на собственный релятивизм со стороны постмодерна, или первой фазой уже внешней для постмодерна метамодернистской критики, но в любом случае мы становимся свидетелями двух значимых событий. «Первое состоит в том, что метафизика наконец-то возвращается в философию после долгого периода критики и пренебрежения. Смысл второго события – в том, что новая метафизика представляет собой оксюморон, поскольку смешивает эмпирический и спекулятивный подходы наподобие, прибегая к метафоре, воды и масла» [Столярова, 2019, с. 8].

Кант в результате критического пересмотра статуса метафизики приходит к выводу о том, что понятия разума содержат в себе безусловное, т.е. они касаются чего-то такого, чему подчинен весь опыт, но что само никогда не бывает предметом опыта. Поэтому, с одной стороны, Кант говорит о невозможности «гиперфизики», т.е. науки, подобной физике, но только о душе, мире и Боге, а с другой стороны, говорит о метафизике природы и метафизике нравов, понимая под первой исследование природы на основании априорных принципов. Ставя вопрос о том, как возможны математика, чистое естествознание и метафизика как наука, Кант исходил из существования науки как действительного факта. Однако, учитывая историчность науки, следует признать, что факт существования науки был не только действительным, но и историческим. Поэтому трансцендентальный аргумент Канта, подразумевавший наличие неизменных условий возможности познания, еще до возникновения «новой метафизики» встретился с эмпирической критикой со стороны исследователей истории науки от Т. Куна до М. Фуко, обративших внимание на то, что «история науки стала историей изменения условий ее возможности» [там же, с. 9]. Действительно, история науки последнего столетия, приведшая к фундаментальной онтологической перестройке наших представлений о мире, мало согласуется с ориентированными на механику Ньютона априорными познавательными структурами кантовской трансцендентальной философии, поставив тем самым под

вопрос границу между идеализмом эпистемологического конструктивизма и реализмом опирающихся на метафизику онтологических оснований, с этой точки зрения представляя собой настоящий вызов для эпистемологии [Kasavin, 2015, pp. 431–444].

Обращаясь к истории и философии науки, можно увидеть в ней своеобразную, отмеченную еще Г. Башляром, способность рассматривать идеи как факты и наоборот [Bachelard, 2002, p. 27]. В таком случае вполне допустимо говорить о факте возвращения метафизики с точки зрения не только онтологии, но и с позиций философски ориентированной истории науки, синтезирующей концептуальные и эмпирические перспективы исследования развития научного знания. Здесь вполне возможно взаимодействие истории науки с исторической и социальной эпистемологией, исторической онтологией и метафизикой процесса как раз внутри актуализации онтологического поворота философии, осознающего возможности реалистической или эмпирической метафизики внутри постметафизического мышления. Это хорошо иллюстрируется современными работами по истории и философии науки (например у Дж. Дюпре, М. Фридмана, Я. Хакинга), переносящих акцент с гносеологического анализа проблем научной рациональности на историко-культурные аспекты развития науки, в которых существенное место занимают метафизические теории. [Duprè, 1995; Friedman, 2001; Hacking, 2004].

О.В. Столярова предлагает сфокусировать внимание именно на метафизических составляющих данного историко-культурного нарратива, и основная исследовательская проблема, сформулированная в книге «Возвращение метафизики как факт», звучит следующим образом: «каковы теоретические ресурсы, которые позволяют современной философии интерпретировать данную историческую инверсию от эпистемологии к онтологии как онтологическое изменение, т.е. как изменение, принадлежащее самой реальности, а не только нашим представлениям о реальности?» [Столярова, 2019, с. 10]. Это порождает серию новых вопросов об основаниях возникновения целой серии оксюморонических метафизик гибридного свойства (впрочем, вполне в духе времени, эпохи гибридов, как характеризует современность Б. Латур) в рамках онтологического поворота к реальности.

В частности, можно ли исследовать условия возможности появления новых метафизик с точки зрения выделения двух типов онтологий, положительной (по отношению к метафизике) онтологии и отрицательной, которая в целом (за исключением, наверное, Ницше, отрицательно относившегося к метафизической «возне с понятиями» и Хайдеггера, пытавшегося преодолеть метафизику на путях нового онтологического вопрошания) служит опорой различных антиметафизических теорий. И если изгнание метафизики в отрицательной онтологии можно выразить завершающим «Логико-философский трактат» афоризмом Витгенштейна о молчании по поводу

того, о чем невозможно говорить, то возвращение метафизики в положительной онтологии начинается в философии процесса А.Н. Уайтхеда и выражается в призыве обращаться к ранее невысказанному, выходя за пределы привычного словаря понятий. Ранее невысказанное здесь означает не просто внимание к философской альтернативе метафизики или ее критики, но оценка этой альтернативы с точки зрения собственного опыта. Попытка Уайтхеда обратиться к «докантовскому объективизму», в которой точкой отсчета выступает объективный мир, привела его к идее возрождения метафизики. Уайтхед, рассматривая наши суждения о мире как следствия процессов в нем, исходит из реального характера причинности, выводящей нас за пределы субъективного опыта восприятия к постановке метафизических вопросов. Кстати, отметим, что именно процессуальное видение Уайтхеда стало одним из источников объектно-ориентированной онтологии Грэма Хармана, одной из наиболее впечатляющих концепций в рамках возрождающего запрос на метафизику нового онтологического реализма. Если прежние реалисты вслед за Муром и Расселом склонялись в основном к естественно-научной парадигме мышления, то новый реализм в онтологии достаточно широк, чтобы претендовать на совмещение несовместимого, с готовностью включая в себя дивинаторный материализм Мейясу и странный реализм имматериализма Хармана, ревизирующую метафизику У Селларса и постдеконструктивный метафизический синтез Майкла Мардера.

Так уже у Селларса мы видим понимание философского реализма как рефлексии о сосуществования вместе самых разных вещей: «В рубрику “вещи в самом широком смысле этого слова” я включаю радикально различные предметы – не только “капусту и королей”, но также числа и обязательства, возможности и щелканье пальцами, эстетический опыт и смерть. Достижение успеха в философии равносильно тому, чтобы... “разобраться” (to know one’s way around) со всеми этими вещами... разобраться посредством рефлексии, для которой ни одна интеллектуальная позиция не находится под запретом» [цит. по: Столярова, 2019, с. 135].

Фактически то же самый подход характерен и для нового реализма Бруно Латура. Комментируя известные метафизические тезисы Латура о нередуцируемости вещей друг к другу, об их невыводимости из чего-либо еще и потенциальной соединимости всего со всем, Грэм Харман в своей книге «Принц сетей – Латур и метафизика» утверждает, что в этих принципах заключена вся философия: «Каждый человеческий и нечеловеческий объект теперь становится на свое место как сила, с которой надо считаться. Никакой деятель, каким бы тривиальным он ни был, не отвергается как что-то незначимое по сравнению с его сущностью, контекстом, физическим телом или условиями своей возможности. Все будет абсолютно конкретно: все объекты и все виды обращения с ними будут теперь на одинаковом

основании. В новом нередуцированном космосе Латура, философия и физика вместе вступают в борьбу с силами, действующими в мире» [Harman, 2009, p. 13]. Латур отвергает любой способ философствования, исходящий из первых принципов, предпочитая наблюдать объекты и их действия эмпирически, конструируя как медиатор многочисленные варианты из разнообразных связей между равноправными объектами реальности в рамках своего рода «экспериментальной метафизики».

Возможно, это означает вполне неизбежный релятивизм или плюралистичность нового метафизического реализма. Действительно, когда мы говорим о возвращении метафизики, то какую метафизику мы имеем в виду? Например, еще П. Строссон полагал, что имеет смысл говорить не о какой-то одной, а о двух разных метафизиках, дескриптивной и ревизионистской [Vanheeswijck, 2014]. Если первая пытается осмыслить уже существующие метафизические концепции, то вторая стремится предложить нечто новое, более лучшее, вполне в духе Уайтхеда или современной «новой метафизики».

В отличие от классической метафизики эта «новая метафизика» также более уже не является философией субъекта: скорее представление о субъекте является производным от исторических априори.

Посткритические концепции А. Уайтхеда, Р.Дж. Коллингвуда, П. Строссона и У. Селларса рассматриваются многими сторонниками онтологического поворота философии как решающий вклад в реабилитацию метафизического мышления в рамках англосаксонской традиции философствования. Так, согласно Джозефине Д'Оро, в рамках в целом кантианского по духу проекта «метафизики без онтологии» Коллингвуда отчетливо проступают черты «дескриптивной метафизики» [D'Oro, 2002; D'Oro, 2010], за которой неизбежно скрывается определенная онтология.

О.Е. Столярова проводит интересное различие между онтологией и метафизикой, согласно которому онтология, выступая как учение о бытии и мире, содержит внутри себя возможности для последующих метафизических или антиметафизических интерпретаций, обращаясь, соответственно, в положительную и отрицательную онтологию. Речь при этом вовсе не идет об обязательности выбора между ними, поскольку, объясняя опыт, философия ищет основания и механизмы его обуславливающие. «Именно эта особенность философии препятствует совершению априорного и окончательного выбора между двумя – отрицательной и положительной – онтологиями, но приводит их во взвешенное состояние и позволяет задать вопрос об условиях возможности их исторического столкновения» [Столярова, 2019, с. 156].

Вслед за Ф. Джирони можно рассматривать онтологический поворот как соединяющий в себе тенденции онтологизации и историзации кантовской постановки вопроса о трансцендентальных условиях

возможности опыта [Gironi, 2017, p. 3], что приводит нас к перспективе исторической онтологии. Сам термин «историческая онтология» был впервые предложен Мишелем Фуко [Фуко, 2002, с. 357] в работе «Что такое просвещение?» как обозначающих генеалогию исторических проблематизаций понимания наших отношений с миром, вещами и людьми. В этом смысле историческая онтология вовсе не является историей смены онтологических учений в рамках истории философии или истории онтологии, охватывая широкий контекст историзации условий возможностей познания. В противоположность исторической эпистемологии, ориентированной на поиск внешних детерминаций познания в рамках философии науки, «историческая онтология задает вопрос о том, как возникают новые объекты и концепции, т.е. как объекты и концепции “становятся существующими”» [Столярова, 2019, с. 179], вопрос не просто не лишенный метафизических коннотаций, но прямо погружающий в нас в проблемную ситуацию возвращения метафизики.

В некотором смысле сама постановка вопроса о том, как возможна метафизика сегодня носит трансцендентальный характер, поскольку феномен или исторический факт возвращения метафизики исследуется с точки зрения прояснений условий его возможности, что оборачивается вопросом о реализме и способах его самообоснования. Историчность размыкает границы эпистемологической замкнутости, поскольку историческое событие порождает собственное время и пространство [Касавин, 2020, с. 10], демонстрируя, что любая чисто эпистемологическая интерпретация имеет под собой определенные историко-онтологические основания, поскольку вопросы познания неизбежно упираются в онтологический статус исторически познаваемой реальности.

Именно историческая онтология как метарефлексия философии над собственными историческими основаниями в состоянии преодолеть разрыв между эпистемологической статичностью трансцендентальной субъективности и онтологической динамичностью роста научного знания о реальности, осмыслив условия взаимодействия науки и метафизики в условиях постметафизического мышления и реалистического (т.е. в принципе не чуждого основополагающим научным интенциям) разворота онтологии. В этом плане «перспектива исторической онтологии адекватна феномену возвращения метафизики» [Столярова 2019, с. 154].

Ситуация современного философского познания в контексте онтологического поворота ориентирована не столько на резкое размежевание науки и метафизики и постулирование несоизмеримости их онтологий в духе Баскара [Bhaskar, 1998, p. 6], сколько на выявление тех взаимообогащающих областей исследования, которые могли бы придать новый импульс для их развития. В конце концов, как справедливо отмечал В.В. Миронов, «развитие науки вовсе не освобождает

нашу мысль от постановки метафизических (предельных) вопросов, а напротив, раскрывает новые возможности для рефлексии над ними» [Миронов, В.В., 2019, с. 19].

Список литературы

Касавин, 2020 – Касавин И.Т. Знание и реальность в исторической эпистемологии // Эпистемология и философия науки, 2020. Т. 57. № 2. С. 6–19.

Лекторский, 2017 – Лекторский В.А. и др. «Реалистический поворот» в современной эпистемологии, философии сознания и философии науки? Материалы круглого стола // Вопросы философии. 2017. № 1. С. 5–38.

Лекторский, 2018 – Лекторский В.А. Конструктивный реализм как современная форма эпистемологического реализма // Философия науки и техники. 2018. Т. 23. № 2. С. 18–22.

Миронов, 2019 – Миронов В.В. Платон и современная пещера big-data // Вестник СПбГУ. Философия и конфликтология. 2019. Т. 35. № 1. С. 4–24.

Столярова, 2019 – Столярова О.Е. Возвращение метафизики как факт: Монография. М.: Русское общество истории и философии науки, 2019. 194 с.

Фуко, 2002 – Фуко М. Что такое Просвещение? (1984) / М. Фуко // Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью. Ч. 1. М.: Праксис, 2002. С. 335–359.

References

Bachelard, G. *The Formation of Scientific Mind*. Bolton: Clinamen Press Ltd., 2002, 250 pp.

Bhaskar, R. *The Possibility of Naturalism: A Philosophical Critique of the Contemporary Human Sciences*. London & New York: Routledge, 1998, 215 pp.

D’Oro, G. *Collingwood and the Metaphysics of Experience*. London & New York: Routledge, 2002.

D’Oro, G. “The Myth of Collingwood’s Historicism”, *Inquiry*, 2010, vol. 33, no. 6, pp. 627–641

Duprè, J. *The Disorder of Things: Metaphysical Foundations of the Disunity of Science*. Harvard University Press, 1995, 320 pp.

Foucault, M. “Что такое Просвещение?” [Qu’est-ce que les Lumières?], in: Foucault, M. *Интеллектуалы и власть* [The Intellectuals and Power], vol. 1. Moscow: Praksis, 2002, pp. 335–359. (In Russian)

Friedman, M. *Dynamics of Reason: The 1999 Kant Lectures at Stanford University*. Stanford: Center for the Study of Language and Information, 2001, 155 pp.

Galison, P. *Image and Logic: A Material Culture of Microphysics*. University of Chicago Press, 1997, 982 pp.

Gironi, F. Introduction, *The Legacy of Kant in Sellars and Meillassoux: Analytic and Continental Kantianism*. London & New York: Routledge 2017, pp. 1–19.

Griffin, D.R. “Introduction to SUNY Series in Constructive Postmodern Thought” in: C. Keller, A. Daniell (eds.). *Process and Difference: Between Cosmological and Poststructuralist Postmodernisms*. Albany: SUNY Press, 2002, pp. vii–xii.

Habermas, J. *Post-metaphysical Thinking: Philosophical Essays*. Cambridge; London: Massachusetts Institute of Technology, 1992, 241 pp.

Hacking, I. *Historical Ontology*. Harvard University Press, 2004, 288 pp.

Harman, G. *Prince of Networks: Bruno Latour and Metaphysics*. Melbourne: re.press, 2009, 258 pp.

Kasavin, I.T. “Znanie i realnost v istoricheskoi epistemologii” [Knowledge and Reality in the Historical Epistemology], *Epistemology & Philosophy of Science*, 2020, vol. 57, no. 2, pp. 6–19. (In Russian)

Kasavin, I.T. “Philosophical Realism: The Challenges for Social Epistemology”, *Social Epistemology*, 2015, vol. 29, no. 4, pp. 431–444.

Lektorsky, V.A. et al. “‘Realisticheskij povorot’ v sovremennoj epistemologii, filosofii soznaniya i filosofii nauki? Materialy kruglogo stola” [“Realistic turn” in Contemporary Epistemology, Philosophy of Mind And Philosophy of Science? Materials of the Round Table], *Voprosy filosofii*, 2017, no. 1, pp. 5–38. (In Russian)

Lektorsky, V.A. “Konstruktivnyj realizm kak sovremennaya forma epistemologicheskogo realizma” [Constructive Realism As The Contemporary Form Of Epistemological Realism], *Filosofiya nauki i tekhniki – Philosophy of Science and Technology*, 2018, vol. 23, no. 2, pp. 18–22. (In Russian)

Mironov, V.V. “Platon i sovremennaya peshchera big-data” [Plato And The Modern Cave Of Big Data], *Vestnik SPbGU. Filosofiya i konfliktologiya – Vestnik of Saint Petersburg University. Philosophy and Conflict Studies*, 2019, vol. 35, no. 1, pp. 4–24. (In Russian)

Stoliarova, O.E. *Vozvrashchenie metafiziki kak fakt* [The Return of Metaphysics as a Fact]. Moscow: ROIFN, 2019, 194 pp. (In Russian)

Vanheeswijck, G. “The Kantian Heritage of R.G. Collingwood and P.F. Strawson: Two Varieties of Descriptive Metaphysics”, *History of Philosophy Quarterly*, 2014, vol. 31, no. 3, pp. 271–292.